

Михаил Голицын



**Кавказская петля:
Дневник егеря**

Михаил Голицын

**Кавказская петля: дневник
егеря + тропа алхимика**

«Автор»

2026

Голицын М.

Кавказская петля: дневник егеря + тропа алхимика /
М. Голицын — «Автор», 2026

Седой Кавказ хранит свои тайны от посторонних глаз, оберегает их, окружая их легендами. Но все ли легенды вымысел? Молодой черкес по имени Анар втянут в непростую и интересную задачу по поимку таинственной пещеры, спрятанной в недрах Кавказа. Пещере, которая одинаково интереса и Аненербе и НКВД, пещеру, которая таит в себе тайну, способную изменить мир.

© Голицын М., 2026

© Автор, 2026

Михаил Голицын

Кавказская петля: дневник егеря + тропа алхимика

Часть 1. Дневник егеря

Предисловие.

В небольшом кафе недалеко от Городской ратуши Люцерна на улице под зонтом сидели два молодых человека, одетые, как и все швейцарцы, ничего не выдавало в них иностранцев, но тем не менее один из них был уж точно иностранец, а второй, хоть и был гражданином Швейцарии и уроженцем кантона Люцерн, имел в своей крови часть чужой для этих мест. Говорили они на английском языке, причем один из них говорил весьма свободно, а в речи другого чувствовался тяжёлый акцент.

- Я рад, что вы нашли время для меня, господин Сейтер. – сказал на хорошем английском один из собеседников, - мне пришлось потратить много времени, чтобы найти вас.

- Я не знал, что меня кто-то ищет, господин Тарасов, - вежливо ответил ему второй собеседник. – Если бы я знал, то сам был сообщил вам о себе.

- Что ж, главное, что мы встретились. – господин Тарасов улыбнулся.

- И я рад. – кивнул господин Сейтер. – И чем же встреча со мной была вам так необходима?

- Скажите, господин Сейтер, вы знаете выше генеалогическое древо?

- Не так чтобы всё, но кое-какое представление о нём имею.

- Отлично. Вам известно, что одна из ветвей этого древа ведёт из России, а если быть точнее, то из Российской Империи.

- Да, моя бабушка была родом оттуда, но эмигрировала в Швейцарию из Германии, где жила со своей семьёй ещё до того, как власть перешла нацистам.

- Прекрасно! – восхитился господин Тарасов и, отпив кофе, поставил его на столик. – Тогда у меня для вас есть прекрасная новость.

И он опять взял кружку, при этом смотря на реакцию швейцарца. Ему нравилось делать такие театральные паузы. Поставив кофе, он продолжил:

- У вашей бабушки был родной брат. Но, так вышло, что жизнь развела их в разные стороны и не дала возможности снова увидеться. Её брат прожил всю свою жизнь, после их расставания, в Советском Союзе, ну а потом, уже в Российской Федерации. К сожалению, не так давно он умер. Да, не удивляйтесь, горцы живут очень долгую жизнь. Так вот, после его смерти осталось кое-какое наследство, но оно, как вы понимаете, отошло его прямым родственникам. В числе личных вещей был его дневник. Его наследники захотели узнать о потомках его сестёр. Вы не думайте, что им что-то нужно от вас. Нет. Возможно, вы и не захотите общаться совсем, но тут важно не это. Ваш предок, даже затрудняясь точно назвать кем он вам приходится, прожил очень интересную и насыщенную жизнь. И вот ваши дальние-дальние родственники пожелали поделиться историей его жизни и с вами. Я привёз с собой копии его дневника, но они очень хорошего качества, так что читать вам будет не сложно.

Он достал из сумки пластиковую папку и передал её господину Сейтеру.

- Неожиданно. – швейцарец удивился искренне. – Я не особенно был занят установлением родственных связей, но это прям удивительно. Скажите, а есть телефоны моих родственников, ну тех, что передали мне это?

- Да, конечно, номера телефонов, их данные и почтовые ящики в самом конце. Если будет желание, то можете с ними связаться.

- Скажите, господин Тарасов, сколько я должен вам за ваши труды?

- Совершенно ничего, господин Сейтер, все мои расходы оплатили ваши дальние родственники. Да и расходы мои были больше на дорогу и проживание.

Несмотря на то, что господину Сейтеру очень уж хотелось посмотреть содержимое папки, он терпеливо отодвинул её в сторону и продолжил светский разговор с гостем из России. Но воспитание того не позволяло отнимать много времени у собеседника, поэтому допив кофе, они посидели ещё минут пятнадцать и распрощались.

Сейтеру хватило терпения приехать домой, принять душ, загрузить листы в переводчик и уже потом, сидя в плетённом кресле на террасе, читать дневник его дальнего-дальнего родственника.

1.

Время стирает воспоминания, как волна полосу прибоя, забываются детали, сбиваются даты и путаются имена, события теряют свою хронологию и запутываются словно клубок ниток. Наверное, вся эта чехарда и подвигла меня записать свою жизнь такой, какой я её ещё помню. Беру на себя смелость убрать из этого повествования мелочи, которые мне показались незначительными, чтобы не забивать головы читающих этой никому, кроме меня, ненужной информацией. Я же, со своей стороны, постараюсь изложить все важные события с максимальной точностью, передавая не только события, но и наши диалоги, мои мысли и эмоции, оценки происходящего и мнения обо всём этом тех, кто был со мною рядом в этот момент.

И так, зовут меня Дауров Анар.

Родился я в семье этнических черкесов в станице Удобная, что была в составе Баталпашинского отдела Кубанской области в 1906 году тогда ещё Российской Империи. Мой отец, звали его Тару, был отличным столяром и славился на всю нашу округу. Мать моя – Залина, как и положено в кавказской семье, была хранительницей очага. Ну а кроме меня в семье было ещё три младших сестры – Лала, Байзет и Дина. Я рос и воспитывался в родном крае вплоть до 1917 года, когда революция уничтожила Российскую Империю и погрузила всю страну в гражданскую войну. Мой отец, как человек миролюбивый, отнёсся к этому в крайней степени неприемлемо. Кавказ на ту пору не представлял собой единство и был втянут в гражданскую войну. Вот поэтому мой отец и решил взять всех нас и отправится за границы уже рухнувшей Империи. Я никогда не спрашивал у него почему он выбрал именно Мюнхен для нашего места жительства, но поселились мы там. Так как у нас не было денег на покупку какого-нибудь дома, то нам приходилось менять одну квартиру за другой, пока мой отец не получил заказ от одного жителя, уже не помню, как его зовут. И вот, когда он увидел работу моего отца, то тут же предложил отцу наняться работать у него, а взамен он давал нам кров и платил отцу достойную плату. Вот так мы поселились недалеко от Вестпарка в небольшой пристройке к дому. Тут же располагалась и мастерская отца. И действительно работа у отца пошла одна за другой. И оплата труда была достойной, к тому же мы с сёстрами довольно быстро выучили немецкий язык и смогли пойти учиться в местную школу. Родителям этот чудный грубый язык давался с трудом, так что отец, даже прожив немалую часть жизни в Германии, так и не научился на нём толком говорить. А в начале так вообще изъяснялся жестами и рисунками. Для меня сейчас до сих пор не понятно, как он смог найти работу, а ещё и выполнять заказы.

Учёба оказалась для меня не только не трудной, но ещё и интересной. Видя, что я легко усваиваю не только науки, но и языки, мне предложили изучать иностранные. Вот так я стал обладать знаниями не только русского языка, своего родного черкесского наречия, немецкого, но ещё и французского, арабского, итальянского и английского. К тому же я очень увлёкся историей и географией, активно изучал астрономию, физику и химию. Конечно, я не вызывал

восторга со стороны своих сверстников, но я и сам не тянулся к общению, для меня оставались чуждыми их обычаи, нравы и сам быт. Вот так я рос сам по себе, в отличии от моих сестёр, которые очень быстро сдружились с другими девочками. Чуть позже мой отец смог купить нам небольшой дом, а я после школы поступил в Мюнхенский университет на исторический факультет.

Обучение там стало для меня той самой отправной точкой, которой было суждено уже не первый раз резко изменить направление моей жизни. Но предшествовало этому моё рвение к науке, к желанию охватить как можно больше и особенному качеству моего мозга, который впитывал информацию как губка и имел свойство всё это помнить. Закончил я обучение на отлично, после чего был приглашён остаться в университете в качестве сотрудника. Стоит отметить, что в то время, а был это 1927 год, Германия уже растила в себе нацистские течения, так что всем, кто не был немецкой крови, путь наверх был практически закрыт. Но я, как человек далёкий от политики, всего этого не замечал и жил своей жизнью.

И вот в ноябре 1935 года мне доверяют работу по переводу одного из древних документов, имевших отношение к скандинавской культуре. Стоит заметить, что к тому времени я уже неплохо владел норвежским и шведским языками. Перевод мой оказался востребован и меня, не смотря на моё не немецкое происхождение, перевели на должность переводчика. Мой труд оказался весьма кстати, мной заинтересовалась одна весьма странная и загадочная организация - «Аненербе». Забегая, немного вперёд скажу, что кроме моего умения переводчика им очень приглянулось моё образование историка, а также мои знания мифов и легенд Кавказа. Нет, меня не взяли в эту организацию в качестве сотрудника, скорее я был наёмным рабочим, заменить которого было не кем. Сам я никогда не вступал в НСДАП, да и от политики сторонился.

В 1937 году мне доверили перевести полученные в Карельской экспедиции документы. Их перевод был принят восторженно и после этого я уже был загружен работой по полной. Когда же мои труды были закончены, то я поспешил их сдать и получить за это положенное мне вознаграждение. Получив его, я решил немного передохнуть и заглянул в одно уютное кафе недалеко от сквера в центральной части Мюнхена. Я заказал кофе и, неспешно его попивая, читал газету. В это время ко мне за столик подсел один весьма странный мужчина. Вообще в Германии, да и как во многих других странах, не принято просто так без приглашения или хотя бы не спросив разрешения, садиться за стол к посторонним. А вот этот мужчина поступил именно так – сел, не спрашивая моего разрешения. Я отложил газету и посмотрел на него, желая своим взглядом смутить его и заставить уйти из-за моего стола. Но не тут-то было. Он даже не смутился от моего взгляда. На вид ему было лет тридцать, одет в светлую тканевую рубашку с коротким рукавом и такого же цвета брюки.

- Извините. – сказал я ему.

- Не стоит. Я видимо помешал вам.

Он сказал всё это таким тоном, что выглядело, что я помешал ему здесь своим присутствием. А будучи человеком не конфликтным, да и, честно говоря, теряющимся в таких ситуациях, я просто сидел и смотрел на него, не зная, как поступить.

- Меня зовут Тилль Кан. – сказал он, протягивая мне руку.

- Очень приятно. Анар Дауров.

- У вас интересное имя. Что оно значит?

- На сколько мне известно Анар значит гранат. – ответил я. – Это черкесское имя.

- Не скучаете? – спросил он меня, беря в руки мою газету и разворачивая её.

- Извините. – не понял я его вопрос.

- Не скучаете по России? – повторил он.

Этот вопрос не только поставил меня в тупик, а просто заставил замереть, словно статую. Я не знал, как на это реагировать и откуда он знает, что я из России. Видимо мой внешний вид многое дал понять обо мне, потому что мой собеседник улыбнулся и продолжил беседу:

- Не волнуйтесь так, господин Дауров. Это просто моя работа знать всё о тех, кто этого заслуживает.

- А чем же я заслужил такое внимание? – дар речи всё же вернулся ко мне.

- Ну как же. Вы человек, который не просто эмигрировал в Германию, но ещё и смог поступить в Мюнхенский Университет, окончил его и получил блестящие рекомендации. Блестящие на столько, что вам доверяют переводить тексты, которые многим даже глазом не дают увидеть. Ну а как иначе, господин Дауров? Ведь люди с такой памятью как у вас, с такими языковыми навыками и уровнем образованности – редкость. Так что нет ничего удивительного из того, что вы заслуживаете внимания.

- Вы весьма много знаете обо мне, но мне всё же не понятно кто вы и зачем вам всё это?

- Ну, господин Дауров, вы же умный человек. Вы сами сможете найти ответ на этот вопрос. Я даже думаю, что это будет очень скоро. Например, вечером, когда будете сидеть с вашим отцом в креслах под виноградником и пить чай.

В этот момент мне стало не по себе так, что у меня мурашки побежали по телу. Мне захотелось вскочить и убежать от этого человека, но страх сковал меня, и я сидел не подвижно.

- Ну, господин Дауров, что вы так разнервничались? Я прям чувствую себя виноватым в вашем таком состоянии. Может быть это кофе? Оно, говорят, повышает давление. Пойдёмте, пройдемся и подышим свежим воздухом.

Я сам, не понимая всего, встал и пошёл вместе с господином Каном по улице. Он же между тем продолжал беседу всё в том же весело-ироническом тоне:

- Скажите, господин Дауров, вам нравится то, чем вы занимаетесь? Я имею в виду вашу научную деятельность и работу переводчика.

- Да, господин Кан, мне по душе эта работа, к тому же она хорошо оплачивается.

- О, это великолепно! Хорошо оплачиваемая работа весьма кстати, тем более это позволяет меньше работать вашему отцу, чтобы обеспечивать вашу мать и сестёр.

Я опять похолодел весь изнутри. Этот человек так легко и просто говорил всё, словно был моим близким другом, который часто обедал в кругу нашей семьи и знал проблемы, которые периодически возникают.

- Я не понимаю к чему вы ведёте нашу беседу. – сказал я ему.

- Ну я хочу познакомиться с вами поближе, понять, что вы за человек.

- Мне кажется, что вы и так знаете обо мне уже больше, чем кто-либо другой.

- Ну что вы, господин Дауров, то, что знаю я – это просто констатация фактов. Ничего большего. Ну согласитесь, от того, что я знаю о том, что вы любите на завтрак с чашечкой кофе шоколад и сигару, я не могу сказать какой вы человек?

Сказать, что я был удивлён, значило не сказать ничего. Я шёл рядом с ним и молчал, не зная, что сказать.

- Вот что, господин Дауров, - сказал он мне, остановившись, - я предлагаю вам завтра сходить вместе на футбольный матч. Тем более вечером у вас нет никаких серьёзных дел. А что объединяет людей лучше, чем спорт?

Он улыбнулся, протянул мне руку на прощание и, не говоря более ничего, ушёл. А я так и остался стоять по середине улицы. Когда я попал домой, то старался не показывать своего состояния, не желая волновать родных. Быстро поужинав, я ушёл спать, сославшись на усталость.

На следующий вечер я пошёл к стадиону, где должен был состояться матч местного футбольного клуба «Бавария». Почти у самого стадиона меня догнал господин Кан.

- Добрый вечер, господин Дауров. – он приветливо улыбнулся мне.

Я как воспитанный человек тоже поприветствовал его, и мы отправились на трибуны смотреть матч. Я не любитель футбола, да и никогда не стремился понять его правила, а вот господин Кан болел за команду очень активно и шумно.

После матча он пригласил меня выпить, сказав, что недалеко варят очень хорошее пиво. И вот через несколько минут мы сидели за столом, распивая пиво.

- Скажите, господин Дауров, вам хватает ваших заработков?

- Да, господин Кан, у меня есть всё необходимое.

- Но, позвольте, разве это предел мечтаний? Маленький домик, в котором по мимо вас живут родители и три сестры, нет возможности позволить себе поехать отдохнуть в Альпы, да и новую одежду купить тоже не всегда получается. И вы считаете, что хватает вам денег?

- Умение довольствоваться малым.

- Не смешите меня, господин Дауров. Все хотят вкусно есть, красиво одеваться и иметь успех. А вы молодой человек и, не смотря на ваши консервативные и я бы даже сказал аскетические взгляды, всё равно тянетесь к этим потребностям. Но, мой дорогой господин Дауров, ситуация в Германии сейчас такова, что не этнический немец не может заработать много денег или сделать успешную карьеру. Но! В любом правиле есть исключения.

- Я опасаюсь, что эти исключения могут идти в разрез с моими убеждениями или законом.

- Нет, нет. Что вы! Как я могу вам предложить что-то незаконное или непристойное. Нет, господин Дауров. Я как раз хотел вам предложить дружбу, которая будет выгодна и мне, и вам.

- Дружбу?

- Да, дружбу. Которая ещё и поможет нам с вами сплотить Германию.

- Как же это?

- Очень просто. Вы оказываете услуги одной организации, интересы которой простираются далеко за пределы Германии, да к тому же она имеет влияние на ряд лиц, приближенных к власти. Но вот она настолько нелюдимая, что не хочет делиться своими достижениями, исследованиями, мыслями и прочим. И получается, что мы про неё ничего не знаем. А так ведь не может быть! Вдруг в ней затаился предатель и он разрабатывает план гибели всей нашей страны. Ну или что-то важное они сочтут за безделушку, и мы потеряем возможность развития?

- Я не совсем понимаю о чём вы.

- Всё вы понимаете, господин Дауров. Я предлагаю вам проливать свет на эту организацию. Естественно, в пределах вашей возможности. Я же в свою очередь готов щедро благодарить вас. Ну не спешите отказываться! Ведь ситуация в Германии сейчас такова, что каждый не немецкой крови может стать изгоем или ещё хуже – подвергнуться преследованию со стороны закона. А у вас пожилые родители, и сестры ещё на вашей ответственности.

Я молчал. Я понял к чему клонит меня господин Кан, что может быть, если я откажусь и что выбора мне он не оставил. Я молча кивнул, так как комок подкатил мне к горлу.

- Вот и отлично, господин Дауров. Но давайте этот разговор оставим на завтра, а сегодня насладимся этим прекрасным вечером и пивом.

Стоит ли говорить, что ни вечер, ни пиво мне уже не казались прекрасными. Но закончить вечер с вежливой улыбкой всё же пришлось. Уже дома я смог сбросить с себя все эмоции и расслабиться. То, что происходило сейчас со мной было каким-то нелепым и странным. Раньше я никогда не осознавал свою значимость и тем более не представлял, что меня завербуют. Но вышло всё именно так. Я, конечно, понимал, что Тилль Кан, если он действительно так звался, был сотрудником Абвера, потому что кому как не им было интересно всё, что происходит вокруг, да и они, в этом я уверен, делают всё, чтобы занять в Германии лидирующие позиции. Лежа ночью в своей постели, я стал понимать то, что спокойная прежняя жизнь моя в Германии окончилась и, скорее всего, и для моей семьи тоже. Я анализировал то, что проис-

ходило со страной сейчас и к своему ужасу понимал, что я, зарывшись с головой в науку, не обратил внимание, что Германия уже не та добрая старушка, которая нас приютила. Сейчас мы и такие как мы, то есть не этнические немцы, становились мишенью для новой власти и то сколько времени Тилль Кан сможет прикрывать мою семью и меня зависит от того на сколько я ему буду нужен. Я стал осознавать всю опасность, которая исходила от этого режима. И уже явно понимал, что дни наши проживания в Германии сочтены. Вот так вот сразу пелена с моих глаз была сдёрнута. На тот момент я ещё не знал, что делать, но, чтобы я не решил, продумать нужно было всё до мелочей.

Через два дня я опять встретился с Тиллем Каном, и он всё с той же иронией, как и раньше объяснил мне, что я должен делать копии со всех документов, которые меня попросят перевести или проанализировать, а если не будет такой возможности, то максимально подробно описать всё, что я узнал. Встречаться нам часто не стоит и всё, что мне будет известно я должен оставлять в том кафе, в котором мы познакомились, официанту Удо. В тот же день Тилль дал мне небольшую сумму денег, сказав, что это залог его порядочности и, что в случае выполнения мной обязательств он будет давать мне сумму вдвое крупнее. На этом встреча, которая мне была крайне неприятна, кончилась.

Осенью того же года мне передали для перевода письма, отчёты, рапорта и справки, написанные на русском языке. Особенность и ценность этих документов была в том, что они были подписаны начальником специального отдела НКВД Глебом Бокием. Из всего, что у меня было на руках я смог сделать вывод, что этот отдел занимался в Советском Союзе тем же, чем Аненербе занимается в Германии. В документах описывался Тибет, как место наиболее вероятного размещения Шамбалы, описывались тибетские монахи, которые знают путь в некое место, где сосредоточены все знания и технологии. Было не мало сведений о таинственной связи Эльбруса и той самой Шамбалы. Много было написано про эзотерику, как теоретическую, так и прикладную, описывались опыты с медиумами и воздействие на сознание. То, что досталось мне переводить для меня казалось каким-то бредом, сродни тем легендам, которые дошли до наших дней. Но вот сделанные копии произвели на Тилля совсем другой эффект.

На следующий день после того, как я передал через официанта копии документов, Тилль Кан сам нашёл меня. В этот раз в его голосе не было той иронии, что скользила раньше.

- Господин Дауров, - говорил он, - документы, которые вы передали мне имеют определённую ценность. Скажите, были ли ещё какие-то документы, которые вам не удалось перевести или сделать копии?

- Нет, господин Кан. Это всё.

- Пометки на полях, рисунки?

- Нет, ничего более.

- Как вы считаете, эти письма можно считать подлинниками?

- Ну я не эксперт в этом деле, но сами посудите. Зачем кому-то мне давать подделку для перевода? Если только они сами не знали, что это подделка.

- Да, да. Действительно зачем вам специально давать подделку.

- Эти документы весьма ценны?

- Я бы сказал, что они интересны. Вы когда-нибудь сталкивались с НКВД?

- Нет, я же уехал в Германию в юном возрасте.

- Ах, да. Ну тогда вам будет сложно понять это. Это организация, которая пытается контролировать всё.

- Я примерно понимаю о чём вы.

- Вот и хорошо, я бы хотел видеть все копии документов, какие бы вам не приносили.

Беседа наша закончилась, я получил обещанные деньги, и был удивлён реакции Тилля Кана на эти странные записки. Тогда я ещё не представлял себе всю их важность, абсурдность и пугающий реализм. Но всё это я осознаю потом. А в этот день, держа в кармане деньги я шёл

домой и думал, что мне удастся скопить достаточную сумму, чтобы вывезти семью из Германии и поселиться в каком-нибудь нейтральном государстве.

Мой лингвистический опыт достойно оценили в Аненербе, и я занимался переводом очень многих документов. Было трудоёмко переписывать их в двух экземплярах, но за это я получал немалые деньги, так нужные мне для побега из этой страны. Не по своей воле я всё больше вникал в странные оккультные документы, находящиеся у меня в руках. Обладая хорошей памятью, я легко мог соотнести полученную информацию, которая вырисовывалась в странные и иногда фантастические картины. Деятельность этой, несомненно, могущественной германской организации, охватывала всё, что только можно. Иной раз даже какие-то фантастические рассказы очевидцев, легенды и мифы проверялись с такой тщательностью, что трудно было поверить, что разумные люди готовы тратить своё время на это. И это при том, что мне доставались лишь крохи всей информации. Моё знание русского языка, словесных оборотов и иных особенностей позволяло мне работать в большей части с русскоязычными текстами, из которых я явственно понимал, что на моей исторической родине руководство страны тоже близко к оккультным течениям. А позже я стал понимать, что некоторые вещи или явления, описанные в документах, имеют место быть, может быть не так как записано на бумаге, но всё же упоминания о них весьма часто встречаются и в различных источниках.

Вот так, переводя документы, я стал сам втягиваться в эту тайну, которая окутывала меня и словно втягивала в какой-то неизведанный мир. И чем дальше я в него проникал, тем больше тайн он скрывал.

Полученные за копии перевода деньги я тщательно прятал дома, не тратя даже малой части этих денег. Тилль Кан, каждый раз получая переписанные листки, удивлялся и иной раз даже комментировал. Я же не высказывал при нём ни малейшей заинтересованности, кроме, конечно, денежной. Если бы я знал куда заведут меня эти игры. Но, увы, в то время у меня была другая цель – побег из Германии.

2.

После Рождества я прогуливался по парку после своей работы, лёгкий снег ложился, не спеша на землю, так что я загулялся до темна и домой уже возвращался под светом фонарей. Когда я подошёл к своей двери, то обнаружил, что в ней торчит записка. Я раскрыл её и там на немецком языке было написано: «Очень хочу увидеть тебя, жду завтра в обед на той аллее, по которой ты сегодня вечером гулял». Никакой подписи не было. Это меня озадачило, так как почерк был явно женским, а успехом у женщин я не пользовался. Не потому, что с моей внешностью было что-то не то или были какие-то другие изъяны. Нет, я просто не был немцем, а в нынешнее время это было словно проказа. Поэтому меня так удивило это письмо. И всё же я решил в обед прийти и встретиться с этой незнакомкой.

На следующий день я, как и было уговорено, пришёл в парк и стал прохаживаться по аллее. Я шёл, рассматривая людей, желая первым узнать, кто же эта таинственная незнакомка. В потоке людей я увидел госпожу Вебер. Она шла мне навстречу и мне вдруг стало очень неуютно от того, что увидел её. Я понимал, что время обеда и она может быть прогуливается тут, хотя я раньше её и не встречал, но мне не хотелось, чтобы она стала свидетелем моей тайной встречи. Я остановился у лавки с газетами и стал выбирать. Госпожа Вебер подходила в поле моей видимости и шла прямо ко мне. Когда же она поравнялась со мной, то я невольно обернулся и встретился с ней взглядом. Она улыбнулась и, остановившись рядом, сказала:

- Видимо не ожидали меня здесь увидеть, Анар?

- Добрый день, госпожа Вебер! Да, не каждый раз встречается начальник отдела, гуляющий в обеденное время.

Она рассмеялась:

- Пойдёмте, Анар. Здесь кроме меня вы никого не дожждётесь. Или вы хотели встретить роковую красотку?

Я даже немного покраснел от того, что она так ловко угадала мои мысли. Сейчас я уже понимал от кого была эта записка и теперь мне было особо тревожно. Госпожа Вебер не была моим прямым начальником, но всё же в какой-то мере я подчинялся ей и то, что на встречу вытянула меня именно она придавало всей ситуации лишнюю нервозность. Между тем она вела себя очень спокойно, да и что ей было беспокоиться. Госпожа Вебер получила должность начальника отдела ещё до того, как к власти в Германии пришли нацисты, сейчас же, в свои пятьдесят пять лет, она всё так же уверенно занимала свой пост, хотя и не поддерживала идею партии. Она вообще была очень осторожным человеком, за всё время никто не слышал от неё каких-то неосторожных слов или высказываний. Её нейтралитет можно было истолковать как в одну, так и в другую сторону.

- Анар, - она говорила спокойно в таком тоне, как будто мы находимся с ней в кабинете, и она растолковывает мне какое-то поручение, - у вас появился новый друг?

- Это вы о господине Кане? – осведомился я.

- Да, именно о нём.

- Я не могу назвать его другом, скорее собеседником. – ответил я.

- Интересное трактованные ваших взаимоотношений. А ты знаешь, где служит господин Кан?

- В общих чертах да. – я не стал скрывать от неё то, что, по моему мнению, она знала и так.

- И как ты относишься к принципам и идеям партии?

- Я не политик и не принадлежу ни к какой партии. К тому же я воспитан в традициях уважения к другим людям не зависимо от их национальной принадлежности.

- Тогда на чём же основываются ваши взаимоотношения? – спросила она всё с той же интонацией.

- Мне неудобно об этом говорить. – сказал я ей. – Но и врать вам не хочу.

- Что ж, это похвально, - сказала она, - но я и так всё понимаю и вижу. Вижу, что ты стал заложником обстоятельств и роль твоя расписана наперёд. - И какова же моя роль?

- Разменной монеты, Анар. Как только ты перестанешь быть нужен, ты станешь частью тех, против кого настроена вся система.

Я молчал. Я и сам понимал всё это, но в ситуации, которая была создана вокруг меня, я ничего не мог изменить.

- Зачем вы захотели со мной встретиться, госпожа Вебер? – спросил я прямо.

- Чтобы понять суть твоих действий и узнать твои планы на будущее.

- Суть моих действий вы и так поняли, а что касемо планов, то у меня их пока нет. Пока господин Кан заинтересован во мне, то как-то строить планы я не могу.

- А вы хотите изменить ход настоящего, чтобы строить планы на будущее? – спросила она.

- Безусловно. – ответил я.

Она кивнула. Дальше наша беседа перетекла в другое русло, но меня не оставляла мысль, что она услышала то, что хотела услышать, а другая моя часть противилась этому и предупреждала, что это может быть провокацией господина Кана.

Но к моему счастью вторая мысль оказалась всего лишь моим опасением и не более. При встрече с господином Каном я не заметил изменения в отношении, а через некоторое время в мой кабинет пожаловала сама госпожа Вебер.

- Анар, хочу вернуться к нашему разговору. – начала она, убедившись, что никого в кабинете больше нет. – Я могу предложить тебе очень интересные условия, от которых зависит будущее твоё и твоей семьи, а также многих народов.

- Я слушаю вас. – ответил я ей.

- Информация, которую ты передаёшь господину Кану, используется для получения партией новых идей националистической направленности, но, кроме этого, есть ещё одна немало важная деталь. Мистификация всей верхушки правления – это не игра с легендами, а реальный поиск способов установить влияние на весь мир. И, поверь мне, они весьма близко к этому.

- И как же я могу на что-то повлиять? Я не понимаю. – я говорил тихо, так чтобы даже случайно нас никто не мог услышать.

- Я предлагаю тебе такой вариант: тексты, которые ты должен передать господину Кану, ты сначала показываешь мне, я редактирую кое-что и тогда ты даёшь ему текст.

- Я согласен. Но всё равно не пойму, как это сможет мне помочь?

- Не торопись, всему своё время. Главное не спеши и не делай ничего необдуманного.

- Хорошо, госпожа Вебер. – согласился я.

- Тебе придётся чаще бывать у меня, возникнут вопросы, в том числе и у господина Кана. И чтобы не было недопонимания, поддерживай слухи, что мы любовники.

Я даже покраснел от этих слов.

- Не переживай, дальше слухов не дойдёт. Несколько раз принесёшь мне цветы и всё.

Я молча кивнул.

- Вот и отлично. – сказала она и вышла из кабинета.

Теперь я понимал, что нити интриги запутались ещё сильнее, что ситуация менялась на глазах и куда она выведет я не понимал. Лично для меня ничего не прояснилось, да и выхода из ситуации я никакой не видел. Поэтому принял решение успокоиться и делать так как договорились. Финансового вознаграждения от госпожи Вебер я не получал, но того, что давал мне господин Кан хватало. Я старательно копил деньги, прикидывая в голове как лучше поступить и куда отправить семью.

Так прошло два года. Летом 1941 началась война Германии и Советского Союза. К этому времени я уже отчётливо понимал во что превратилась Германия и видел её желания. Советский Союз для меня на тот момент был страной вроде бы и не родной, но тем не менее я переживал за людей. Мне был неприятен политический строй СССР, власть и та грызня между людьми, но Германия была ещё хуже. В моей семье я видел нервозность, касающуюся всей этой ситуации, видел, что отец очень взволнован, хотя и старался не подавать вида.

В конце 1941 года я встретился в очередной раз с господином Каном.

- Господин Дауров, вы слышали, что наши войска победоносно шествуют по вашей бывшей родине? – сказал он.

- Моя родина Российская Империя, а Советский Союз заставил меня и мою семью покинуть родные края. – как можно трепетнее сказал я.

- Да, да. Я помню. Но сейчас не об этом. – он отхлебнул кофе. – Летом следующего года планируется экспедиция в места откуда вы родом. Слышали об этом?

- Нет, господин Кан, - ответил я. – первый раз слышу.

- Я бы очень хотел, чтобы вы отправились туда, стали там моими глазами и ушами. Вы понимаете, о чём я?

- Да, конечно, господин Кан. Но как я попаду в состав экспедиции.

- Ну это не сложно. Я бы, конечно, мог решить это по моим связям, но тогда к вам будут относиться с опаской. Но и вы сможете сами это сделать.

- Я? Как?

- Через вашу близкую подругу. Госпожу Вебер.

Я покраснел, что не упустил из вида господин Кан.

- Она руководит экспедицией и вы, я уверен в этом, сможете без проблем попасть в её состав.

- Я понял вас, господин Кан. Думаю, что у меня всё получится.

Он улыбнулся в ответ и взял кружку с кофе.

В тот же день я вместе с госпожой Вебер пил кофе в кафе в парке и рассказал ей обо всём. Она задумалась и попросила немного времени, чтобы обдумать всё.

Мы встретились с ней вновь спустя неделю. Вместе прогуливаясь по улицам, мы обсуждали идею, подброшенную господином Каном.

- Анар, - госпожа Вебер как обычно говорила тихо, так чтобы никто не мог услышать, - я обдумала всё, что вы мне сказали. Мне кажется, что в этом есть какое-то подводное течение. Вы всё же не самый активный шпион господина Кана, я так думаю. Но всё же для вас он приготовил какую-то игру, где вы, как мне кажется, не несёте особого задания и скорее направляетесь туда с другой целью. Возможно, как отвлечение внимания от кого-то иного, возможно просто как один из вероятных вариантов получить информацию, а возможно и просто как разменная монета и в случае чего на вас свалятся все проблемы и неудачи. Я даже, не исключая, что на ваше возвращение он особо и не надеется и самого возвращения может и не быть.

- Вы думаете, что я могу погибнуть там? – спросил я.

- Я не исключаю этого. – ответила она, - но всё же для Аненербе послать в экспедицию своего человека не составит труда. Но посылать вас я не вижу смысла.

- И я не вижу.

- Я думаю, что вам всё же стоит туда поехать. Если вас не отправить из Германии, то в скором времени вы узнаете, что такое лагеря Третьего Рейха.

- Вы мне поможете попасть в состав экспедиции?

- Да.

- А как же моя семья? Я не могу бросить их на произвол судьбы.

- Я не смогу всех вас отправить вместе, но я придумала способ увезти твою семью из Германии.

Уже вечером я сидел дома за столом с отцом и наш разговор начался с того, что Германия в нынешнем её политическом режиме не та страна, где нам будет хорошо жить. Отец и сам это уже понимал и теперь мне было легче довести ему идеи, высказанные госпожой Вебер.

- Анар, когда мы приехали сюда, то я думал, что здесь мы сможем жить спокойно, но, к сожалению, ситуация изменила так, что и тут мы лишние, но изменить это пока нет возможности. – отец сидел на стуле и смотрел в тёмное окно.

- Отец, - я наклонился над столом, - есть одна возможность, которая обезопасит всю семью от будущих проблем. Меня летом, как сотрудника института отправляют в Советский Союз для экспедиции на Кавказ. Ситуация сложная, возможно, мне придётся там остаться на некоторое время, возможно, я не смогу вернуться обратно в Германию. Но я не хочу, чтобы вы тут оставались. Есть человек, который вам сможет помочь. И, я прошу тебя отец, довериться мне. Я не могу сказать тебе всё, но другого выбора у нас нет.

- Анар, - отец посмотрел на меня, - ты уже взрослый мужчина, который в этой стране понимает больше, чем я. Но я не могу рисковать семьёй, не зная всего.

- Отец, - я понимал к чему он клонит, - такая сейчас ситуация, что даже тебе я не могу сказать всего. Остаётся только довериться мне. Тоже переживаю и за тебя, и за маму, и за сестёр, поэтому и говорю всё это тебе в надежде, что ты поймешь. Я думаю, что в ближайшее время всех, кто не немцы арестуют и отправят в лагерь, поэтому другого выхода нет.

Отец кивнул. Он всегда был человек понимающий, поэтому и не любил много говорить лишнего.

- Когда я уеду в экспедицию, - начал я, - к тебе придёт человек, который поможет всей семье перебраться во Францию, а потом в Швейцарию. У меня есть деньги, которых тебе хватит, чтобы купить в Швейцарии дом в какой-нибудь деревне в горах, работу ты себе там найдёшь, купите скотину, да и так жить будет за что.

- А ты? – отец посмотрел на меня.

- Я, как только смогу покинуть Советский Союз, то приеду к вам. Мне помогут найти вас.

- Анар, - отец посмотрел на меня как-то по-особенному, - я переживаю за тебя. Мне кажется, что ты впутался в какую-то очень плохую ситуацию и не хочешь мне говорить.

- Я и сам пока не знаю на сколько всё опасно и запутанно. Но, когда вы будете в безопасности, то мне будет легче спастись самому.

Отец молчал. Я понимал, что он принял мои условия, хоть с тяжёлым грузом на сердце, но принял. Он понимал, что от него зависит жизнь и судьба мамы и моих сестёр и как бы он не хотел воспротивиться моей идеи, другой у него не было. И мне было спокойно. Я ещё не знал, как смогу выкрутиться из всё этой ситуации, но понимал, что главное я уже сделал – спас свою семью, как когда-то её спас отец.

Зима и весна прошли без каких-либо явных изменений у нас, а вот Третий Рейх уже со всю воевал в Восточной Европе, Африке и океане. В начале лета госпожа Вебер сообщила мне, что смогла сделать так, чтобы я оказался в составе экспедиции. Господин Кан был доволен этому и вот какие он дал мне рекомендации.

- Задача состоит в следующем, - говорил он, попивая кофе, - среди всех сотрудников, которые будут в этой экспедиции, много тех, кто стоит с разных сторон нашей идеи, и каждый хочет перетянуть заслуги на себя, чтобы выслужиться. К сожалению, большая часть из них полные идиоты и таким своим стремлением могут загубить всё дело. Вот таких идиотов нужно будет опасаться. К тому же нужно будет следить за теми, кто разбирается и полностью поглощён идеями. Они тоже опасны, так как для них наша цель не важна. У них свои цели. Но! – тут он поставил кружку с кофе на стол. – Их цели нам не важны. У нас одна цель. И ты должен получить все сведения об их успехах и передать мне через радиосвязь. А если будут найдены материальные объекты, то предупреди меня, чтобы по прибытию экспедиции в Германию, никто их не смог утаить что-то.

Задача моя была предельно ясна. Шпионить. Это я понимал и до беседы, но вот как это всё сделать мне, человеку, не искущённому в шпионских играх, я не знал. Да и для меня это было не особо важно на тот момент. Я просто хотел покинуть Германию.

Вылет был назначен на конец августа. Почти перед самым вылетом в кабинет ко мне вошла госпожа Вебер и, взяв меня под руку, вывела на улицу. Мы шли по тенистым аллеям под кронами лип. Она держала меня под руку и тихо шептала мне на ухо.

- Анар, как только ты улетишь, мой человек придёт к твоему отцу. Он должен быть уже собран. Ничего не стоит из дома брать. Пусть все вещи останутся там. Пусть возьмут только деньги и документы. Их переправят во Францию, а потом в Швейцарию. Человек мой не вернётся обратно и только он будет знать где твоя семья. Связь с ним поддерживать буду только я. Через меня и узнаешь, где они. Какое задание тебе дал господин Кан?

Я рассказал всё, что господин Кан поведал мне. Она выслушала всё и потом добавила:

- Когда ты будешь в Советском Союзе, я думаю, что возвращаться тебе не стоит. Постарайся остаться там. Сбежать, спрятаться, как угодно. Там ты хоть и будешь не свой, но и не чужой. Чтобы тебя не расстреляли и не приняли за предателя, тебе нужно найти офицера НКВД по фамилии Аше. Он из числа обрусевших немцев. Я давно с ним знакома и о тебе он знает. Знает, что будешь там и поможет тебе.

- Можно я задам вам один прямой вопрос? – сказал я.

Госпожа Вебер мотнула головой, и я спросил:

- Вы тоже шпионка?

- Нет, - ответила она, - я немка и ставлю интересы немцев превыше всего, но то, что сейчас делает Гитлер со своими обезумевшими приближёнными мне не нравится. Я считаю, что он рушит Германию и всё, что было создано. Поэтому я помогаю сведениями Советскому Союзу, хоть и не люблю политику его. Я не люблю насилие. А его сейчас больше, чем предостаточно.

Я молчал, понимая, что она права. Я и сам не любил Советский Союз, хоть и не знал его. Но и Третий Рейх я не любил. Я не хотел бы быть ни на одной стороне, но сейчас так нельзя

было. Если бы я жил где-то в Америке или Австралии, то меня бы это всё не касалось, но сейчас я был как раз между границами войны.

3.

Мы вылетели из Германии на Юнкерсе. Экспедиция не была большой, потому что основная часть её уже ждала нас на территории Советского Союза. Со мной в самолете был Альфред фон Корсен – доцент философского факультета Кёнингсбурского университета, несколько представителей других факультетов и солдаты СС, и наш командующий экспедицией – группенфюрер СС Генрих фон Митке. До этого момента я с ним никогда не сталкивался, да и слышал лишь краем уха. В моём понимании все высшие командные чины Третьего Рейха были солдатами, но Генрих фон Митке даже на первый взгляд не был похож на это описание. Наверное, если бы я увидел его в обычной жизни в обычном костюме, то никогда бы не подумал, что это группенфюрер СС. Это был человек среднего роста, худоватый, с простыми чертами лица, больше похожий на фермера или мелкого чиновника, голос тихий без интонаций командиров, но самое интересное в нём был – это взгляд. Когда этот человек говорил об истории и исследованиях, то в его глазах я читал какую-то ненормальную увлечённость, схожую с учёными, которые всю свою жизнь положили на алтарь науки. Когда же речь заходила о Аненербе или Третьем Рейхе, то глаза его были пустыми, но вот, когда он был зол или отчитывал нерадивых офицеров, то глаза сразу же становились мрачно ледяными и от него самого сразу веяло какой-то внутренней силой, так что даже мне, стоящему рядом и ни в чём не виновному, становилось не по себе и даже как-то тревожно. Мне даже казалось, что Аненербе и Третий Рейх – это всего лишь способ для него самого получить что-то заветное.

И так, 28 августа 1942 года мы приземлились в аэропорте Майкопа. В подчинение фон Митке передали отборную роту 1-й горнострелковой дивизии вермахта, на Кавказе вообще было много войск Верхмата, причём войск весьма умелых и наученных вести бой в условиях гор. Мы поселились на окраине города. Всё время пока мы ехали через город я поражаюсь увиденному и это не могло не удручать меня. Я не видел Майкоп до войны, но сейчас город был в руинах, частично разрушен полностью, а те здания, которые уцелели, стояли словно призраки – мрачные и безжизненные. До этого я не видел поля боя, но то, что предстало перед моими глазами сильно впечаталось в моё сознание. Пока мы ехали я думал о том, как же сейчас выглядят города Союза, в которых идёт бой, или те, которые уже оставлены. За время жизни в Германии я отгородился от всей войны и не воспринимал её, но сейчас я понимал, что тот занавес рухнул и осознание всей действительности больно ударило по мне.

Я не показывал вида, что меня поразило всё даже, когда приехали в дом, где нас поселили. На следующий день я познакомился с фройляйн ван Винкье из отдела народных легенд, сказок и саг гауптштурмфюрера Плассмана. Она собирала фольклор в местных деревнях и сёлах. Пока она была занята своим делом, к нам всё прибывали и прибывали солдаты. По разговору я понял, что скоро выдвигаемся, но куда никто не знал. Мы выдвинулись в путь на следующий день и уже 5 сентября прибыли в пункт назначения. Я не знаю, что это за место, но то, что я увидел меня поразило. В горах была построена взлётно-посадочная полоса, а рядом с ней мачта для причаливания дирижабля. От своих коллег я узнал, что всё это сделали немцы. Там же в горах была пещера, оборудованная как штаб.

Несмотря на то, что у всех у нас было одно желание – поскорее обследовать всю местность, пришлось уделить не мало времени на обустройство быта и приготовление всего необходимого для исследования. И всё же мы двинулись на обследование этой пещеры.

Даже сейчас мне трудно описать тот восторг, который она у меня вызвала, я хоть и прожил какую-то часть своей жизни в горах, но такого не видел. Её глубину даже не смогли толком измерить, потому что множество различных ответвлений не давали понять, где же оканчивается она. Но глубина поразила меня! Несколько сотен метров она простиралась под горой. А в

одном из ответвлений, которое ещё до нашего приезда было принято, как окончание пещеры были найдены письма, исполнение на чёрных базальтовых плитах.

Часть из нашей экспедиции была уверена, что письма оставили асы, но я придерживался одной версии с Альфредом фон Корсеном, что к асам они не имеют никакого отношения. Но одержимость Третьего Рейха всем мифическим связанным с древними ариями, меня забавляла. Они во всём видели тайну и скрытый посыл к ариям. Это похоже на метания школьника, когда он точно не знает ответ, но каждый из вариантов считает правильным и принимает его на веру. Так и здесь, ещё не получив никакого ответа и мнения специалистов, они сделали свои выводы, которые, естественно, соответствуют их идеям и целям.

Ну да это не главное. Что меня поразило, так вот эти письма и рисунки. Если долго смотреть на рисунки, то начинает кружиться голова. Я сначала думал, что это из-за давления, но, когда перестал на них смотреть – головокружение прошло. Изучая рисунки, я обратил внимание, что основным элементом, который повторялся практически везде было дерево. С виду оно напоминало конус и имело четыре ветви. Среди многообразия рисунков выделялся ещё один – существо с крыльями за спиной и какими-то щупальцами вместо бороды. Мне, как христианину, сразу же показалось это отождествление с дьяволом, но рисунки эти были сделаны задолго до появления христианства тут. Так что вопрос о том, кто это остался открытым. Это был наш первый ознакомительный поход, так что долго мы не задержались и вернулись обратно.

Ночью я был свидетелем странного события: к посадочной площадке причалил дирижабль, но что на нём увезли я не видел. Но на этом странности не закончились. В разговоре солдат я слышал рассказы о странной женщине. По их рассказам она появлялась ночью, одетая в белое платье, но на окрики или хихикает, или совсем не отзывается, но при попытке её поймать, она прячется за деревьями и исчезает. Я думаю, что это всё же выдумка, потому что никто из солдат не осмелился пойти в ночь непонятно куда. А женщина, если она не приманка для засады, скорее всего, сумасшедшая. Сам я её не видел, хотя несколько ночей провёл на улице недалеко от периметра.

Всё это время мы изучали найденную пещеру, зарисовывали письма, рисунки и их расположение, иной раз возвращались уже ночью. 10 сентября солдаты не дали нам доработать и, сославшись на приказ, отправили нас обратно в лагерь. Уже там я узнал, что один из секретных сторожевых постов горных стрелков был полностью вырезан. Когда же принесли тела обратно в лагерь, я, как и многие из членов экспедиции пошёл посмотреть на них. Я не специалист в области медицины и смерти повидал немного, но мне показалось, что на лицах покойных застыла гримаса ужаса. На тех лицах, которые ещё сохранили свой вид. Признаюсь честно, что, несмотря на всеобщее убеждение, я не верил, что русские могут так сделать. Проломить насквозь грудную клетку и потом вставить туда отрезанную голову... Может быть кто-то из них и обладает такой силой, да и если бы это был один из солдат, я бы поверил, но, чтобы всех, да ещё и без огнестрельных ранений, нет, такого не бывает. Фон Митке приказал усилить охрану лагеря.

Вообще после обнаружения горных стрелков начались какие-то странности. Например, ван Винкье начала стрелять в палатке, сказав, что видела тёмную фигуру, да и многим стало что-то мерещиться.

Через несколько дней услышал разговоры, что где-то на Эльбрусе нашли находку, которая изменит всё, но что это я так и не смог узнать.

Уже вечером 16 сентября я сидел на улице, смотрел как становятся ярче звёзды, когда ко мне подсел Альфред фон Корсен.

- Анар, - он всегда обращался ко мне по имени, - ты ведь родом из этих мест?
- Не совсем их этих, - ответил я ему, - но всё же с этих гор.
- Скажи мне, Анар, может быть такое, что человек сходит с ума в горах?

- Если один и заблудился, то да.
- А если нет? Если он в обществе?
- Не знаю даже. – ответил я.
- Мне кажется, что у меня первые признаки сумасшествия. – сказал он.
- С чего вы это решили?
- Вчера ночью в моей комнате был посторонний. И, поверь мне, Анар, он не мог пройти через все посты. Он просто появился из ниоткуда и исчез в никуда.
- А что же он хотел? – меня это взволновало.
- Предупредить или сообщить о гибели. Я не понял. А ещё удивительно то, что он говорил на немецком языке, правда, с каким-то то ли итальянским, то ли испанским акцентом. И самое странное, что он знает кто я и знает что-то обо мне. Да. Он так прямо и сказал, что лучше бы я сидел дальше в библиотеке Альбертины, а сейчас вместо этого я оказался в этой мясорубке. А я даже спросить ничего не мог, так онемел. А он, то ли понял это, то ли... - Альфред запнулся. – Он мне сказал, что читает мысли и что я молчу по его воле. Он потребовал от меня прекратить эту экспедицию, иначе все умрём, а кроме этого, оставил мне вот это, чтобы я передал фон Митке.

С этими словами он достал из кармана перстень с янтарём.

- Даже не знаю, Альфред, - сказал я, рассматривая перстень, - я бы на вашем месте передал его фон Митке. И уж точно рассказал бы ему всё. И вы не сходите с ума. И этот перстень тому доказательство.

- Да, да. – мрачно сказал он, положив перстень обратно в карман.

Беседа наша дальше на заладилась, да и трудно было о чём-то другом говорить. Мне стало казаться, что всё это не совпадение, а предупреждение. И это мне не нравилось. Наверное, после этого я и решил делать то, для чего меня отправили сюда. Я стал подслушивать всё, что только мог. Конечно, большое количество солдат мешали мне в этом, но то, что было рядом, я мог подслушивать.

Мне довелось услышать разговор Альфреда и ван Винкье. И этот разговор как раз и касался всех этих таинственных вещей.

Ван Винкье говорила с ним о мифах, которыми изобилуют эти земли, о том, что всё это не совпадение. Она была напугана и напугана не историями, а тем, что происходит вокруг. Она говорила о том, что сама видела это и что хочет поговорить с ними, чтобы выбраться отсюда живыми. Как и с кем она собиралась поговорить я не услышал. Но вот через несколько дней она поделилась с Альфредом ещё одной новостью. Она сказала, что при попытке дойти до «Приюта Одиннадцати» вся группа будет уничтожена, а также то, что одна из экспедиций откопала то, чего не следовало и об этом уже доложили фюреру, убедив его, что это супероружие. И что это действительно было чем-то очень опасным. Настолько опасным, что могло погубить весь мир. А потом она сказала очень странные слова о том, что кто-то готов оставить Альфреда живым, но Альфреду нужно залечь, когда всё начнётся.

Ван Винкье на создавала впечатление сумасшедшей, а как раз наоборот, из всех, кто был тут в горах, она была самой адекватной. Именно это и заставило меня прислушаться к её словам и воспринять их.

А через пару дней в лагерь прибыл отряд из числа горных стрелков и особого отряда СС. Видно было, что они шли без отдыха и сна, может быть несколько дней. Они принесли к нам в лагерь что-то, видимо, очень ценное, потому что наши солдаты тут же окружили дом и периметр. К этому месту стянули всех солдат, на крыше выставили пулемёты. То, что охранялось было особо важно. В это время я вспомнил слова ван Винкье: «Герр группенфюрер встретится с обожаемым им наследием наших предков. Ну очень древней нордической расой. Нордичнее просто-таки некуда». И эти слова оказались пророческими...

4.

29 сентября было принято решение выдвигаться пешком, потому что дирижабль не мог приземлиться, а бои с Советской Армией были уже где-то недалеко. Самолёты в туман тоже не смогли прилететь, поэтому всё, что можно было унести взяли с собой, а остальное упаковали, чтобы потом забрала авиация. Мы все оказались не в кольце солдат, а шли сами по себе, солдаты же охраняли что-то что несли на небольших носилках. Оно было упаковано в коробку, так что понять, что же там внутри было невозможно.

Мы двигались быстро, я понимал, что группенфюрер хотел, как можно быстрее выбраться к месту, где нас заберёт самолёт или дирижабль. Хоть мы и вышли утром, но ни на обед, ни на отдых он не давал времени. Мы шли без остановок. И от всего этого у меня возникло неприятное чувство, что за нами кто-то гонится или следит. Я стал всматриваться в лица солдат и членов экспедиции и пришёл к выводу, что не только у меня было такое ощущение. Все периодически озирались по сторонам, на лицах была тревога, каждый громкий звук заставлял вздрагивать, солдаты были с оружием на изготовке. Тяжелее всего было идти вечером: ноги устали, спина ныла, перекус на ходу стал в животе комом, вода во фляжке уже нагрелась, а всё тело было покрыто липким потом и пылью. Мне приходилось легче, потому что солдаты тянули основную тяжесть, а у меня за спиной был лишь мой походный рюкзак. Солнце стало садиться за горы, ночь наступала очень быстро, тени словно наливались чернотой и охватывали всё больше и больше пространства вокруг себя, пряча от света камни, кусты и деревья. Казалось, что тьма гонится за нами и уже наступает на пятки. И все были нервозны в это время, всем было не по себе. И страх, и опасность буквально пронизывали воздух. Это чувствовал я, который знал и понимал всю ситуацию, это же чувствовали солдаты, которые даже и не знали ничего о нас, об экспедиции и, тем более, о грузе.

Мы зашли в ущелье. Не дойдя до середины, тьма поглотила его, оставив нам только ручные фонари. В свете фонарей мы двигались словно команда капитана Немо по дну океана. В этот момент я почувствовал какую-то особую тревогу, нависшую в воздухе. И это подтвердилось тем, что весь окружающий нас мир затих. Я не сразу заметил это, а когда заметил, то на смену тревоги пришёл ужас. И как оказалось не зря.

С обеих сторон ущелья раздался какой-то дикий рёв, от которого аж дрожь пробежала по телу. Ни человек, ни животное не может такое издавать. Мне даже трудно это описать, потому что в жизни не слышал ничего подобного. Солдаты тоже были охвачены ужасом, но только крик группенфюрера и взлетевшая вверх сигнальная ракета вывели их из оцепенения. Солдаты Вермахта тут же заняли круговую оборону и в небо взлетела ещё одна ракета. Я краем глаза увидел, что Альфред упал на землю, прикрывшись за каким-то деревом. Когда я повернул голову, что увидел в свете потухающей ракеты, что на нас бегут существа на двух ногах. Я упал на землю и не успел рассмотреть их как следует, но заметил, что в руках у них были дубины и копья. Я не могу сказать были ли это люди или кто-то ещё, но явно было одно, что двигались они на двух ногах, а руки использовали для того, чтобы держать свои примитивные оружия. Потом раздалась выстрелы. В вспышках от автоматных очередей было трудно что-то разобрать, но я слышал то тут, то там крик солдат, рык нападавших и по уменьшению плотности огня понимал, что солдаты терпят поражение.

Понимая, что ситуация наша критична, я вскочил и мелкими перебежками побежал в сторону гор. В свете ещё одной сигнальной ракеты я увидел, что коробка упала и её уже никто не охраняет. Я подскочил к ней, легко разорвав её, и вытащил изнутри какой-то сундучок или даже сумку, в темноте я не мог точно определить. Он оказался не заперт, а внутри был только один предмет – диск из металла или чего-то твёрдого. Я схватил его, засунул во внутренний карман и побежал. Выстрелы гремели отовсюду и мне казалось, что я сам могу пасть от пули, поэтому иногда я падал на землю, бежал на четвереньках или просто перекатывался. Из-за моего походного рюкзака, передвигаться было очень сложно, но времени, что бы расстегнуть

все ремешки у меня просто не было. Я вскочил и побежал опять в сторону, где, как мне казалось, меньше всего стреляют. Не знаю, как мне повезло, но я не угодил ни под пули, ни под дубину или копье. Я довольно быстро добежал до начала гор и стал карабкаться по ним. Сзади меня ещё слышался бой, но уже не такой яростный как в самом начале и это подстёгивало меня лезть выше. Было совершенно не видно куда я лезу, но инстинкт самосохранения гнал меня вперёд.

А когда передо мной уже был не пологий подъём, а крутой скат горы, то пришлось двигаться вдоль него, ощупывая его стену. Там мне и попаласть какая-то расщелина, в которую я хоть с трудом, но влез. Идти по ней не получилось, потому что она стала сужаться, так что я решил карабкаться в верх, опираясь руками и спиной в её стены. Я даже не знаю, как высоко смог залезть, когда попаласть мне какая-то плоскость и я выполз на неё. Ползти выше и у меня не было уже сил, да я и не видел ничего. Где-то внизу я слышал ещё одиночные выстрелы, но потом и они прекратились. Я достал свой «Вальтер», который получил перед самым выдвижением из лагеря, лёг на бок и стал ждать. Шум внизу мне был плохо слышен, но выстрелов уже не было точно. Мне казалось, что сейчас нападавшие не обнаружат предмет и бросятся его искать, а у них наверняка нюх животного и зрение ночных птиц. В этих мыслях я лежал на выступе гор и вслушивался в тишину. Но тишина словно окутала всё. Не было слышно никаких звуков. Я боялся пошевелиться, чтобы никто не услышал меня. Не знаю почему мне повезло, может быть они не могли ориентироваться как звери или запах пороха изменил все запахи, но меня никто не искал и за мной никто не карабкался. Когда сердце моё уже успокоилось, а мысли хоть как-то сформировались и выстроили логический ряд, я снял с себя рюкзак и перевернулся на спину. Всё тело болело и ныло, но главное было то, что я жив, все кости целы и то, зачем сюда гнали экспедицию у меня. Я не заметил, как уснул, а проснулся же от того, что лучи солнца стали попадать в расщелину. Я осторожно выглянул, но на сколько хватало обзора всё было спокойно. Осторожность подсказывала мне, что выходить сейчас не стоит, возможно, эти существа активны и днём и кто-то из них затаился и ждёт, где я покажусь. К счастью, в моём рюкзаке была и еда, и вода, и даже свёрнутая подстилка для сна. Я, стараясь не шуметь, достал еду и воду, позавтракав, я расстелил подстилку на камни и опять лёг. Из кармана я достал предмет и принялся его рассматривать. Диск легко умещался на ладони, был сделан из металла или какого-то сплава, он состоял из двух колец, которые свободно вращались и были украшены какими-то символами, в центре было отверстие. Вот и всё, больше и описать его никак не могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.